

Мелани Гидеон
Жена-22

Melanie Gideon

Wife 22

Мелани Гидеон

Жена-22

роман

Перевод с английского

Елены Валкиной

издательство **аст**

Москва

УДК 821.111(73)-31
ББК 84(7Сое)-4
Г46

This edition is published by arrangement with Curtis Brown UK
and The Van Lear Agency
Interior photos © 2012 by Kerri Arsenault. Used by permission

Дизайн обложки: студия “Три кота”

Гидеон, Мелани

Г46 Жена-22 : роман / МЕЛАНИ ГИДЕОН ; пер. с английского
Е. ВАЛКИНОЙ. — Москва : АСТ : CORPUS, 2013. — 544 с.

ISBN 978-5-17-077813-3 (ООО “Издательство АСТ”)

Элис замужем за Уильямом двадцать лет. Она помнит их первую встречу, будто это было вчера. Однако в последнее время она почему-то проводит больше времени в интернете, чем с любимым мужем. Внезапно Элис приходит письмо: некий Исследователь-101 предлагает ей принять участие в анонимном опросе на тему любви и брака. Она соглашается и, отвечая на вопросы под псевдонимом Жена-22, понимает, что ее семейная жизнь уже не та, какой была раньше. Элис все сильнее привязывается к Исследователю-101: хотя они ни разу не виделись, он, кажется, интересуется ей гораздо больше, чем ее собственный муж...

“Жена-22” — дебютный роман американки Мелани Гидеон, переведенный на 30 языков и ставший бестселлером.

УДК 821.111(73)-31
ББК 84(7Сое)-44

ISBN 978-5-17-077813-3 (ООО “Издательство АСТ”)

- © 2012 by Melanie Gideon
All rights reserved.
- © Е.Валкина, 2013
- © ООО “Издательство Астрель”, 2013
Издательство CORPUS ®

Посвящается Б.Р. — Мужу-1

“Надо лишь соединить..”

Э. М. ФОРСТЕР¹

1 Эдвард Морган *Форстер* (1879—1970) — английский писатель. Одна из тем его творчества — нежелание людей различных социальных групп понять и принять друг друга. “Надо лишь соединить..” — эпиграф к роману Форстера “Товардс-Энд” (1910), по которому снят одноименный фильм.

Часть первая

1

29 АПРЕЛЯ, 17:05

ПОИСК В GOOGLE

Запрос: “Опущение века”

Результатов: примерно 54 300 (0,14 сек)

Опущение века: Медицинская энциклопедия Медлайн

Опущение века — чрезмерное провисание верхнего века... Опущение века может придавать человеку сонный или усталый вид.

Опущение века... Природные Альтернативы

Разговаривайте, подняв подбородок. Старайтесь не морщить лоб, потому что это только усугубит ваши проблемы...

Друпи-дог... Опущенные веки

Друпи — американский мультипликационный персонаж, пес с унылым лицом и опущенными веками... Фамилия — Макпудель... Характерная фраза: “Знаешь что? Меня это бесит”.

2

Уставившись в зеркало ванной, я пытаюсь понять, почему никто не сказал мне, что мое левое веко отрастило маленький капюшон. Долгое время я выглядела моложе своих лет. А теперь вдруг все годы вылезли наружу, и я выгляжу аккурат на свой возраст — сорок четыре, а то и старше. Я приподнимаю лишнюю кожу и кручу ее между пальцами. Может, существует специальный крем? А как насчет упражнений для век?

— Что у тебя с глазом?

Питер засовывает голову в дверь ванной и, несмотря на раздражение от того, что меня застукали, я счастлива увидеть веснушчатую мордашу сына. В двенадцать его желания все еще скромны и легко выполнимы: вафли “Эгго” и спортивные трусы фирмы *Fruit of the Loom* — те, что с хлопчатобумажным поясом.

— Почему ты мне не сказал? — спрашиваю я.

Я полагаюсь на Питера. Мы очень близки, особенно в вопросах ухода за собой. У нас договор. Он отвечает за мои волосы. Говорит мне, когда отрастают корни, чтобы я записалась к Лайзе, своей парикмахерше. В свою очередь, я отвечаю за запах Питера. За его отсутствие. Двенадцатилетние мальчики почему-то не в состоянии учуять, чем пахнут их под-

мышки. Каждое утро он забегает ко мне и взмахивает руками, чтобы я могла ощутить дуновение. Душ, почти всегда говорю я. Иногда, очень редко, я вру и говорю, что все в порядке. Мальчишка и пахнуть должен как мальчишка.

— Чего я тебе не сказал?

— Про мое левое веко.

— Чего? Что оно нависает над глазом?

Я испускаю стон.

— Но совсем чуть-чуть.

Вновь смотрю в зеркало.

— Почему ты не сказал хоть что-то?

— А почему ты не сказала мне, что “Питер” на сленге — это пенис?

— Потому что это не так.

— Да нет, это так. Питер и два яйца?

— Клянусь, что ни разу не слышала этого выражения.

— Ладно, теперь ты понимаешь, почему я меняю имя на Педро.

— А как же Фрост?

— Это было в феврале. Когда мы учили Роберта Фроста¹.

— Ага, теперь ваши пути разошлись и ты хочешь быть Педро? — уточняю я.

Средние классы школы, как мне объяснили, — это сплошь экспериментирование в поисках себя. Наша задача как родителей — позволять детям примерять на себя разные личины, но иногда за этим

¹ Роберт Ли Фрост (1874—1963) — американский поэт, один из крупнейших в XX веке, четырежды лауреат Пулитцеровской премии.

не уследить. Сегодня Фрост, завтра Педро. Спасибо еще, что Питер не эмо, или имо, или как его? Я понятия не имею, что означает это эмо/имо, знаю только, что это какая-то разновидность готов, крутые чуваки, которые красят волосы в черный цвет и подводят глаза. Нет, Питер не из таких. Питер — романтик.

— Хорошо, — говорю я. — Кстати, о Петере ты не думал? Это немецкая версия Питера. Друзья могли бы говорить “Петер-ветер”. А с Педро ничего не рифмуется. У нас есть пластырь?

Я хочу приклеить веко — посмотреть, как оно будет выглядеть, если мне удастся его восстановить.

— Педро-с-кедра, — говорит Питер. — А мне нравится твое опущенное веко. Ты с ним похожа на собачку.

У меня отпадает челюсть. *Знаешь что? Меня это бесит.*

— Нет, на Джампо, — говорит сын.

Питер имеет в виду нашего двухлетнего пса, наполовину тибетского спаниеля, наполовину бог знает кого. Это какой-то Муссолини среди собак: вес двенадцать фунтов, ужасно нервный и подвижный, поедает собственные какашки. Отвратительно, конечно, но, если подумать, даже удобно. Не нужно повсюду таскать за собой эти пластиковые пакеты.

— Брось это, Джампо, ты, маленький негодяй! — кричит внизу Зои.

Мы слышим, как пес с упорством маньяка носится по полу, вероятнее всего, раскатывая рулон туалетной бумаги — его второе, после какашек, любимое лакомство. Джампо по-тибетски озна-

чает “кроткий” — как оказалось, такое определение совершенно не подходит нашей собаке, но я не расстраиваюсь: предпочитаю иметь пса с характером. Последние полтора года в доме как будто снова появился младенец, и я наслаждалась каждой минутой. Джампо — мой малыш, третий ребенок, которого у меня никогда не будет.

— Ему нужно погулять. Радость моя, ты его не выведешь? Мне нужно подготовиться к вечеру.

Питер корчит гримасу.

— Пожалуйста?

— Ладно.

— Спасибо. Эй, подожди, пока ты не ушел — у нас есть пластырь?

— Вряд ли. Хотя, кажется, я видел какую-то клейкую ленту в ящике со всяким хламом.

Я рассматриваю веко.

— Еще одно одолжение?

— Ну что еще? — вздыхает Питер.

— Принесешь мне эту ленту после того, как погуляешь с собакой?

Он кивает.

— Ты мой сын номер один, — говорю я.

— Твой единственный сын.

— И первый по счету, — уточняю я, целуя его в щеку.

Сегодня я сопровождаю Уильяма на презентацию новой водки “Фиг” — проект, над которым он и его команда в “ККМ-Рекламе” работали много недель.

Я давно предвкушала это событие. Там будет живая музыка. Какая-то новая крутая группа, женское трио с электроскрипками — с каких-то гор, то ли Адирондак, то ли Озарк, не помню откуда.

Деловой стиль, сказал Уильям, и я достаю свой бывалый темно-красный костюм “Энн Тейлор”. В 90-е годы, когда я тоже работала в рекламном бизнесе, это был мой ударный наряд. Надеваю его и подхожу к зеркалу. Костюм выглядит несколько старомодным, но, может быть, если я надену массивное серебряное кольцо, которое Недра подарила мне на прошлый день рождения, будет не так заметно, что он видал и лучшие дни. Я познакомилась с Недрой Рао пятнадцать лет назад в детском саду “Мамочка и я”. Она моя лучшая подруга, а еще, по случаю, один из наиболее известных адвокатов по бракоразводным делам штата Калифорния. Ее здоровый и очень дельный совет стоит 425 долларов в час, но я всегда могу получить его бесплатно, потому что Недра меня любит. Я пытаюсь взглянуть на костюм ее глазами. Я точно знаю, она сказала бы: “О-о, нет, дорогая, ты же это не всерьез!” — со своим шикарным английским акцентом. Тем хуже. В моем гардеробе нет больше ничего, что подходило бы под определение “деловой стиль”. Натянув лодочки, я спускаюсь по лестнице.

На диване, закрутив длинные каштановые волосы в бесформенный узел, сидит моя пятнадцатилетняя дочь Зои. У нее бывают периоды вегетарианства (в данный момент — нет), она яростно выступает за переработку отходов, а также изготавливает по собственному рецепту натуральный бальзам

для губ (мята и имбирь). Как и большинство девушек ее возраста, она профессиональная “экс”: экс-балерина, экс-гитаристка и экс-подружка Джуда, сына Недры. Джуд — своего рода местная знаменитость. Он добрался до голливудского тура “Американского идола”, но потом его вышибли, отметив, что “звучанием он напоминал горящий калифорнийский эвкалипт — с таким же треском, шумом и взрывами, но даже не его местную, отнюдь не местную разновидность”.

Я болела за Джуда — мы все болели, — пока он проходил первый и второй туры. Но перед третьим, голливудским, у него от внезапной славы закружилась голова, он изменил Зою, а затем порвал с ней, разбив тем самым сердце моей девочки. Урок? Никогда не позволяйте дочери встречаться с сыном лучшей подруги. Потребовалось несколько месяцев, чтобы я, то есть Зою, пришла в себя. Я наговорила Недре кучу ужасных вещей — вещей, которые, вероятно, не следовало говорить, вроде “я ожидала большего от сына феминистки и от мальчика, которого воспитывают две мамы”. Недра и я даже какое-то время не разговаривали. Сейчас-то все уже в порядке, но, когда я прихожу к Недре, Джуда очень кстати не оказывается дома.

Рука Зою с бешеной скоростью летает над клавиатурой мобильного.

— Ты в этом пойдешь? — спрашивает она.

— А что? Это винтаж.

Зою хмыкает.

— Зою, солнышко, пожалуйста, оторвись от этой штуки и посмотри на меня. Мне нужно твое мне-

ние. — Я широко развожу руки. — Неужели совсем плохо?

Зои поднимает голову.

— Ну, как сказать. Насколько там будет темно?

Я вздыхаю. Всего лишь год назад мы с Зои были так близки. Теперь же она обращается со мной как со своим братом — членом семьи, которого приходится терпеть. Я делаю вид, что не замечаю, но неизменно переживаю, стараясь быть милой за нас обеих, и в результате веду себя как помесь Мэри Поппинс и Трули Скрампшес из “Пиф-паф ой-ой-ой”¹.

— В холодильнике есть пицца, и, пожалуйста, проверь, чтобы Питер к десяти был в постели. Мы вернемся чуть позже, — говорю я.

Зои продолжает набирать текст.

— Папа ждет тебя в машине.

Я мечусь по кухне в поисках сумочки.

— Желаю хорошо провести время. И не смотри “Идола” без меня!

— А я уже прогуглила результаты. Сказать тебе, кто вылетел?

— Нет! — кричу я, выбегая из дверей.

— Элис Бакл. Сколько лет, сколько зим. Вы прямо как дуновение свежего ветерка! Почему Уильям так редко приводит вас на подобные мероприятия? Хотя, полагаю, тем самым он оказывает вам услугу. Поду-

¹ “Пиф-паф ой-ой-ой” (*Chitty Chitty Bang Bang*, 1964) — детская повесть автора романов о Джеймсе Бонде англичанина Яна Флеминга, по которой снят одноименный фильм и поставлен мюзикл.

маешь, еще один вечер, еще одна презентация водки. Скучно и банально, не так ли?

Фрэнк Поттер, креативный директор “ККМ-Рекламы”, рассеянно оглядывает собравшихся поверх моей головы.

— Вы потрясающе выглядите, — говорит он, водя глазами по сторонам. Увидев кого-то в глубине зала, он машет рукой. — Какой прелестный костюм.

Я делаю большой глоток вина.

— Спасибо.

Глядя на нарядные блузки, босоножки из тонких ремешков, обтягивающие джинсы, в которые облачены большинство присутствующих женщин, я начинаю понимать, что “деловой стиль” одежды на самом деле означает “сексуально-деловой”. По крайней мере для этой тусовки. Все выглядят шикарно. И очень *уместно*. Я обхватываю себя одной рукой вокруг талии, а второй держу бокал с вином на уровне подбородка в жалкой попытке замаскировать свой жакет.

— Спасибо, Фрэнк, — повторяю я, чувствуя, как бусинки пота стекают с затылка на шею. Потоотделение — произвольная реакция, когда я чувствую себя не в своей тарелке. Еще одна произвольная реакция — повторение своих же слов.

— Спасибо, — снова говорю я. О боже, Элис, сколько можно? Троекратное спасибо?

Фрэнк треплет меня по плечу.

— Ну, как дела дома? Рассказывайте. Все в порядке? Дети?

— Все в порядке.

— Вы уверены? — участливо спрашивает он.

— Ну да, конечно, все в полном порядке.

— Чудесно, — кивает он. — Рад слышать. А чем вы сейчас занимаетесь? По-прежнему преподаете? Забыл, какой это был предмет?

— Драма.

— Ах да, драма. Точно. Это должно быть так... Это должно быть так... здорово. Но, полагаю, еще и очень тяжело. — Он понижает голос. — Вы святая, Элис Бакл. У меня ни за что бы не хватило терпения.

— Хватило бы, если бы вы увидели, на что способны эти дети. Они буквально горят. Знаете, как раз на днях один из моих учеников...

Фрэнк Поттер снова смотрит поверх моей головы, поднимает брови и кивает.

— Элис, простите, но боюсь, что меня зовут.

— О, конечно. Это вы простите. Я не хотела вас задерживать. Разумеется, у вас есть другие...

Он делает шаг ко мне, и я подаюсь ему навстречу, думая, что он собирается чмокнуть меня в щеку. Но вместо этого он чуть-чуть отступает, берет мою руку и крепко пожимает ее.

— До свидания, Элис.

Я оглядываю комнату, где все беззаботно потягивают “Личи ФиГтини” — новый коктейль на основе китайской водки. Слегка фыркаю, как будто думаю о чем-то веселом, и стараюсь выглядеть беззаботной. Где мой муж?

— Фрэнк Поттер — старый осел, — шепчет кто-то мне на ухо.

Слава богу, дружеское лицо. Келли Чо давно работает в креативной группе Уильяма — и вообще

давно работает в рекламе, где очень высокая текучка кадров. Она в костюме, который не очень-то отличается от моего (разве что лацканы получше), но на ней он смотрится ужасно стильно. Костюм она скомбинировала с сапогами выше колена.

— Вау, Келли, ты потрясающе выглядишь, — говорю я.

Келли отмахивается от комплимента.

— Скажи лучше, почему мы так редко тебя видим?

— Ой, да ты же знаешь. Перебираться через мост — такая морока. Пробки. К тому же я до сих пор не чувствую себя спокойно, если дети по вечерам остаются одни. Питеру всего двенадцать, а Зои рассеянна, как все подростки.

— А как работа?

— Отлично. За исключением того, что утопаю в мелочах: костюмы, недовольные родители, паучки и поросята, которые не выучили свои роли. В этом году с третьим классом ставим “Паутину Шарлотты”¹.

Келли улыбается.

— Люблю эту книгу! Твоя работа кажется идиллией.

— Неужели?

— О да. Хотела бы я соскочить с этих крысиных гонок. Каждый день что-нибудь происходит. Я знаю, все выглядит так изысканно — обеды с клиентами, билеты на спортивные матчи, контрамарки на концерты, — но через какое-то время это начинает утомлять. Ну, ты знаешь, как это бывает. Ты ведь сама рекламная вдова со стажем.

1 “Паутина Шарлотты” (1952) — детская книга американского писателя Элвина Брукса Уайта.

Рекламная вдова? Не знала, что для этого есть особое название. Для *меня*. Но Келли права. Пока Уильям ездит и развлекает клиентов, я остаюсь матерью-одиночкой. Счастье, если удастся устроить семейный обед пару раз в неделю.

Оглядывая комнату, я встречаюсь взглядом с Уильямом. Он направляется к нам. Он высок и хорошо сложен, его темные волосы, как это бывает у некоторых мужчин, слегка поседел только на висках, что выглядит даже вызывающе, как бы говоря: черт с тем, что мне сорок семь — я по-прежнему чертовски сексуален, и седина делает меня еще сексуальнее. Я испытываю прилив гордости, глядя, как он пересекает комнату в костюме угольного цвета и рубашке в полоску.

— Где ты купила сапоги? — спрашиваю я Келли.

Уильям присоединяется к нам.

— “Блумингдейл”. Итак, Уильям, твоя жена не знакома с термином “рекламная вдова”. Как это возможно, ведь ты давно превратил ее в одну из них? — интересуется Келли, подмигивая мне.

Уильям хмурится.

— Я везде тебя искал. Где ты была, Элис?

— Собственно говоря, она стояла на этом самом месте, претерпевая Фрэнка Поттера, — отвечает Келли.

— Ты говорила с Фрэнком Поттером? — встревоженно спрашивает Уильям. — Это он к тебе подошел или ты к нему?

— Он подошел ко мне, — бормочу я.

— Он упоминал обо мне? О компании?

— Мы не говорили о тебе, — успокаиваю я. — Мы вообще совсем недолго разговаривали.

Я вижу, как у Уильяма сжимается челюсть. Почему он так напряжен? Клиенты пьют и улыбаются. Полно представителей прессы. Насколько я могу судить, полный успех.

— Элис, может, уйдем? — спрашивает Уильям.

— Уже? Но музыканты еще даже не начинали. Я так надеялась послушать живую музыку.

— Элис, я очень устал. Пожалуйста, давай уйдем.

— Уильям! — Нас окружает трио симпатичных молодых людей, которые тоже работают в команде Уильяма.

После того как Уильям знакомит меня с Хоакином, Гарри и Урминдером, последний говорит:

— Короче, я сегодня занимался эго-серфингом.

— Как и вчера, — говорит Хоакин.

— Как и позавчера, — добавляет Келли.

— Вы дадите мне договорить? — интересуется Урминдер.

— Дай-ка я попробую угадать, — вмешивается Гарри. — 1 234 589 упоминаний?

— Тупица, — огрызается Урминдер.

— Не порти ему триумф, Гарри, — говорит Келли.

— Ну вот, теперь 5881 звучит просто жалко, — дует Урминдер.

— Зато 10 263 точно не звучит жалко, — говорит Гарри.

— Или 20 534, — вставляет Келли.

— Да вы оба врете! — говорит Хоакин.

— Не будьте завистливы, мистер 1031, — укоряет Келли. — Это неприлично.

— 50 287, — роняет Уильям, заставляя всех умолкнуть.

— Мощно, — говорит Урминдер.

— Это благодаря тому, что вы тогда выиграли “КЛИО”, — замечает Гарри. — В каком году это было, босс? Тысяча девятьсот восемьдесят?..

— Продолжай в том же духе, Гарри, и я сниму тебя с полупроводников и переведу на средства женской гигиены, — хмыкает Уильям.

Я не могу скрыть изумления. Они соревнуются, сколько упоминаний дают их имена? И счет идет на тысячи?

— Посмотрите, что вы наделали, — говорит Келли. — Элис в шоке. И она права. Мы — кучка жалких нарциссистов.

— Нет-нет-нет. Я вас совсем не осуждаю. Мне кажется, это забавно. Эго-серфинг. Все этим занимаются, разве нет? Просто у большинства не хватает храбрости признаться.

— А как насчет вас, Элис? Гуглили себя в последнее время?

Уильям качает головой.

— Элис нет необходимости себя гуглить. У нее нет публичной жизни.

— В самом деле? А какая же у меня жизнь? — спрашиваю я.

— Нормальная, хорошая жизнь. Полная смысла. Просто менее заметная, маленькая жизнь. — Уильям потирает переносицу. — Ребята, все было очень мило, но нам надо идти. Нам еще через мост перебираться.

— Вам действительно нужно идти? — интересуется Келли. — Я так редко вижу с Элис.

— Он прав, — киваю я. — Я обещала детям, что мы будем дома к десяти. Завтра в школу и все такое.

Келли и трое молодых людей направляются к бару.

— Маленькая жизнь? — говорю я.

— Я не имел в виду ничего обидного. Не будь такой чувствительной, — отвечает Уильям, шаря глазами по залу. — К тому же я прав. Когда ты себя гуглила в последний раз?

— На прошлой неделе. 128 упоминаний, — вру я.

— *Правда?*

— Почему это тебя так удивляет?

— Элис, умоляю, у меня нет на это времени. Помогите мне найти Фрэнка. Мне нужно у него кое-что уточнить.

Я вздыхаю.

— Вон он, у окна. Пойдем.

Уильям кладет руку мне на плечо.

— Подожди здесь. Я сейчас вернусь.

На мосту почти нет машин, а мне хотелось бы, чтобы их было побольше. Возвращение домой обычно доставляет мне удовольствие: я предвкушаю возможность забраться в пижаму, свернуться на диване с пультом в руке, когда дети уже спят наверху (или предполагается, что спят, в то время как на самом деле, скорее всего, лежа в кроватях переписываются с друзьями по эсэмэс). Но сегодня мне хочется остаться в машине и ехать куда-нибудь, куда угодно.

Вечер испорчен, и я не могу избавиться от ощущения, что Уильям меня стесняется.

— Почему ты такая молчаливая? Пришлось слишком много пить? — спрашивает Уильям.

— Просто устала, — бормочу я.

— Фрэнк Поттер — тот еще тип.

— А мне он нравится.

— Тебе *нравится* Фрэнк Поттер? Да он же такой актер.

— Да, но при этом он честен. Он не пытается это скрыть. И он всегда по-доброму ко мне относился.

Уильям стучит пальцами по рулю в такт радио. Я закрываю глаза.

— Элис?

— Что?

— Ты в последнее время какая-то странная.

— В чем странная?

— Не знаю. Может, у тебя что-то вроде кризиса среднего возраста?

— Не знаю. Может, у *тебя* что-то вроде кризиса среднего возраста?

Уильям отрицательно качает головой и делает музыку погромче. Я прислоняюсь к окну и смотрю на миллионы огней, мерцающих на холмах Ист-Бей. Окленд выглядит таким нарядным, почти праздничным — это заставляет меня вспомнить о матери.

Мама умерла за два дня до Рождества. Мне было пятнадцать. Она поехала купить галлон яичного пунша и столкнулась с машиной, которая мчалась на красный свет. Мне хочется думать, что она так и не поняла, что произошло. Скрежет металла о ме-

талл, потом негромкий звук, похожий на шум реки, потом мягкий персиковый свет, льющийся в машину. Такой конец я для нее придумала.

Я повторяла историю ее смерти столько раз, что многие детали уже просто потеряли смысл. Порой, когда люди спрашивают о моей матери, меня охватывает странное, не сказать чтобы неприятное, чувство ностальгии. Я живо представляю улицы Броктона, штат Массачусетс, наверняка увешанные в тот декабрьский день гирляндами фонариков и сверкающей мишуры. Там должны быть вереницы людей, стоящих в очереди в винном магазине, с тележками, набитыми ящиками с пивом и коробками с винными бутылками, и воздух должен пахнуть хвоей рождественских елок. Но эта ностальгия по тому, что было непосредственно “до”, быстро гибнет под гнетом страшного “после”. Потом в голове звучит старомодный саундтрек к сериалу “Частный детектив Магнум”. Это его отец смотрел, когда звонил телефон и женщина на другом конце провода осторожно сообщила нам, что произошел несчастный случай.

Почему я думаю об этом сегодня? Или это действительно, как предположил Уильям, кризис среднего возраста? Часы, безусловно, тикают. В сентябре мне стукнет сорок пять — ровно столько, сколько было моей матери, когда ее не стало. Для меня это переломный год.

До сих пор я могла утешать себя тем, что, хоть мама и умерла, она во всем меня опережала. До сих пор мне только предстояло пересечь те вехи, которые

она уже преодолела, и поэтому казалось, что она все еще жива. Но что произойдет, когда я ее обгоню? Когда ни одной из ее вех не останется?

Я искоса смотрю на Уильяма. Одобрила бы его моя мама? Одобрила бы она моих детей, мою карьеру — и мой брак?

— Хочешь остановиться в “7-11”? — спрашивает Уильям.

Заезжать в супермаркет за шоколадкой “Кит-Кат” после вечера, проведенного вне дома, — наша традиция.

— Нет. Я не хочу есть.

— Спасибо, что пришла на презентацию.

Это он так просит прощения за свое пренебрежительное поведение?

— Ага.

— Тебе хоть было весело?

— Ну конечно.

Уильям делает паузу.

— Ты никудышная лгунья, Элис Бакл.